

5. TED: ideas worth spreading [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ted.com/> Дата доступа: 20.07.2021.

6. Викторова, Е. Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции ted talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) / Е. Ю. Викторова // Жанры речи. – 2019. – № 4 (24). – С 254–266.

7. Шмелева, Т. В. Уплотнение жанров как тенденция медиасферы / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – 2018. – № 4 (20). – С. 270–276.

8. Щукина, Д. А. Эстетизация учебного массового текста в Интернете / Д. А. Щукина // Язык в координатах масс медиа: материалы II междунар. науч.-практ. конференции, Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 г. / Санкт-Петербургский государственный университет ; редкол. : А. А. Мальшев (гл. ред.). – Санкт-Петербург, 2017. – С. 123–124.

УДК 811.111

П. В. Силаев

(Смоленский государственный университет, Смоленск)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОРЯ И ВИНЫ В РОМАНЕ ОУЭНА ШИРСА «ВИДЕЛ ТОГО, КОГО ТАМ НЕ БЫЛО»

В статье рассматриваются лингвостилистические особенности репрезентации темы горя и вины как главных мотивов в романе Оуэна Ширса «Видел того, кого там не было». Особое внимание уделено лексическому проявлению рассматриваемой эмотивности и возможности ее семантизации. Понятия горя и вины позволяют выявить нарративную и эмоциональную взаимосвязь героев романа и декодировать смысл его названия.

Изучение эмоций в лингвистике имеет свое название *эмотиология* – «языковая категоризация эмоций и полистатусная презентация эмотивности» [1, с. 149]. За время ее существования были разработаны разные подходы к пониманию эмоциональности языка – эмотивности, в особенности имплицитных и эксплицитных способов ее вербализированного выражения. Хотя для человека характерно наличие некоторого набора универсальных групп эмоций – доминантных или базовых, лингвистические изучения эмотивности выявили отличия репрезентации таких групп в разных языках [2], что, безусловно, представляет лингвистический интерес и объясняет актуальность таких изысканий, будь то художественный текст или устный дискурс.

Лингвостилистические средства эмотивности могут «притягивать» друг друга, тем самым образуя эмоциональное единство в составе отрывков произведений, что повышает экспрессивность всего текста [3]. Эмотивы также могут репрезентироваться дуплетно, образуя тесную взаимосвязь и усиливая обоюдное воздействие. В такие бинарные связи в рамках современных англоязычных художественных произведений часто выступают понятия **горя** – «состояния сильного эмоционального возбуждения типа аффекта, переживаемого человеком в связи с утратой близкого человека или очень ценного для него предмета» [4, с. 93] и **вины** – «состояния человека, обусловленного нарушением им долга, требований авторитета, обязанностей, накладываемых законом, соглашением (договоренностью) или самим собой» [5].

Именно горе и вина являются главными мотивами в романе валлийского писателя Оуэна Ширса «Видел того, кого там не было» («I saw a man», 2015 г.). Сюжет романа повествует о британском писателе Майкле Тернере, чья жена Кэрлайн, военный корреспондент, была убита по случайности американским беспилотником в Пакистане. Пытаясь справиться с потерей, Майкл переезжает в Лондон, где его соседями и друзьями становится молодая семья Нельсонов: Джош и Саманта, родители двух дочерей. В это же время он получает письмо от Даниэля, управлявшего тем самым беспилотником. Майкл отправляет письма в ответ, стараясь больше узнать о виновном в смерти его жены человеке.

Жизнь главного героя переворачивается снова, когда он, зайдя к Нельсоном за одолженной Джошу отверткой, становится единственным свидетелем смерти по неосторожности младшей дочери Нельсонов Люси (неожиданно увидев Майкла и испугавшись, та оступилась и упала с высокой лестницы, сломав себе шею). Эта трагедия перечеркивает все старания Майкла начать новую жизнь, теперь он винит себя в произошедшем, видя горе, разрушающее семью Нельсонов. Майкл дает ложные показания в полиции, умолчав о своем визите в дом Нельсонов, которых в момент трагедии не было дома, Джош тоже (он должен был быть дома, но отлучался к любовнице). В итоге Джош узнает, что Майкл был в тот роковой день у него дома, он встречается с ним и в порыве гнева требует от Майкла уехать из Лондона, иначе он обратится в полицию, подставив их двоих. Майкл уезжает из города и через год пишет книгу о произошедших с ним событиях, своего рода признание, чтобы облегчить груз вины и горя. В фокусе внимания всего повествования находятся

чувства горя и вины, а также то, как люди справляются с сопутствующими им эмоциями, что делает данный текст релевантным для нашего эмотивного исследования.

Майкл пытается начать жизнь с чистого листа после смерти жены. Для него горе заключается в самоотречении от мира, уходе в свои переживания: «*He wanted to curl up from the world, to hibernate with his loss*» [6, с. 142]. Испытывая вину из-за смерти Люси (хотя это была роковая случайность), он пытается ее искупить своей моральной поддержкой супругов: «*He knew he could help Samantha and Josh. That it was the right thing to do. As much as he wished he wasn't, he was a recent graduate of their breed of loss*» [6, с. 210]. В то же время он понимает неотвратимость своего признания: «*... he had to tell Samantha the truth. If he didn't, his knowledge of those minutes he'd spent in her house before Lucy died would continue to suck the goodness from every second they spent together*» [6, с. 288].

Джош и Саманта по-разному переживают потерю дочери. Жизнь Джоша идет под откос: его увольняют с работы из-за кризиса, жена хочет с ним развестись, он все чаще винит себя в смерти дочери, к тому же он начинает много пить, ничего не делая целыми днями. Догадываясь, что Майкл был в тот день у них дома, он хочет это выяснить, полагая, что это поможет ему избавиться хотя бы от части своей вины: «*No, if Josh wanted to corroborate Michael's story, then he would have to do so himself. If it was true, then he could let go of his suspicion. But if it was not, then – then he didn't know what he would do. But at least he would know. At least he'd be able to extinguish the agonies of his uncertainty, defuse some of the unforgiving questions that still haunted him about what had happened to his daughter*» [6, с. 291].

В отличие от Джоша Саманта старается загрузить себя разными делами: «*The promises Samantha was making to herself were, he felt, as much to bolster her decision to split from Josh as they were promises to be kept. The MA, finding a job, to pick up her yoga classes again, to join a friend's book club. How many of these might come to fruition, Michael couldn't tell*» [6, с. 243]. Она более мужественно переживает утрату младшей дочери – испытание, которое сделает ее сильнее. Саманта начинает больше ценить старшую дочь, а та, в свою очередь, отмечает стойкость своей матери: «*But also because he saw that she was rising, with a mother's ancient will of survival, to meet the sad suddenness of her situation. She was rising and would take Rachel with her. Their strength would be in their solitude. He could see it happening*» [6, с. 255].

Даниэлю, военному пилоту, приходится часто сталкиваться со смертью, выполняя приказы. Его мучают сны, где он видит невинных людей, убитых при помощи управляемого им беспилотника. Он решает написать Майклу, чтобы рассказать ему о случившемся и облегчить груз вины, с которым живет: «*He would find the man Caroline Marshall had married and write to him. He would tell him what had happened. Not because he should, but because he had to. Because he knew it was the only way he would ever be able to go on. He was tired of being unseen. Of being dislocated from his actions. Of witnessing but never being witnessed*» [6, с. 178].

Мотивы горя и вины по-разному репрезентируются в романе на лексическом уровне. Лексическая единица ‘*grief*’ используется в романе 32 раза (25 раз как существительное, 2 раза как глагол, 5 раз как герундий), меньше, чем другие лексические единицы, тесно связанные с этим понятием – слова ‘*death*’ (65 словоупотреблений), ‘*loss*’ (41), ‘*cry*’ (16), ‘*pain*’ (15) и их производные. В то же время использование существительного ‘*guilt*’ и прилагательного ‘*guilty*’ встречается в романе лишь 10 раз. Столь малое использование обусловлено тем, что вина в романе выражается с помощью других слов или словосочетаний с менее выраженной интенсивностью проявления данного признака (*weight, fault, blame, to cause*). Например: «*Or, even, he sometimes found himself wondering, was it another process of his grieving? A slippage of whatever leaden weight had sat in his chest since Caroline’s death down his body to cannonball itself in his calf instead*» [6, с. 146].

Все найденные примеры репрезентации мотивов горя и вины в романе (164 ситуации) можно объединить в четыре генерализирующие семантические группы: ситуации, где герои романа пытаются справиться с чувством вины или горя; ситуации, описывающие внешний вид и состояние здоровья героев романа, которые винят себя или скорбят; ситуации, где главный герой из-за пребывания в состоянии горя видит «призрака погибшего»; ситуации, где герои винят себя из-за произошедшего. Все вышеописанные ситуации раскрывают читателю личностные переживания героев, часто при помощи конвергенции стилистических приемов. Например, через развернутую метафору, эпитеты и эллиптические конструкции при описании проживания горя Майклом: «*Everything he’d lost in the shipwreck of Caroline’s death had washed against the shore of Josh and Samantha’s thirties with ease. The house, the children. Their grounded life, solid and settled in comparison to his own, newly cut loose as he was,*

living in a set of rented rooms four stories up in the air» [6, с. 102]. Или двойную антитезу, параллельные конструкции, анафору в описании внешнего и внутреннего состояния Джоша: «*Michael looked at Josh. He was a new man. A man transfigured by loss, by anger. His cheeks were sunken, his eyes both alive and dead. A man with nothing and everything left to lose»* [6, с. 304].

Понятия «вина» и «горе» в романе чаще всего стилистически репрезентованы на лексическом, чуть реже на синтаксическом уровнях языка, эксплицитно раскрываясь через архисемы *guilt, grief, loss, pain, cry, weight, blame* и образуя 4 семантические группы, указанные в абзаце выше. Герои романа воспринимают и справляются с виной и горем по-разному, но именно стилистические средства, репрезентирующие понятия «вины» и «горя», помогают читателям лучше осознать нарративную и эмоциональную взаимосвязь героев, а также зеркальное отображение / или «неотображение» их моральных терзаний – взаимосвязь, углубляющую философский посыл романа.

Так, Майкл старается пережить горе с помощью общения с людьми, искупить вину, «исповедуюсь» человеку, перед которым виноват. Джош не может справиться с поглощающей его виной и горем, не может представить, что будет с ним в будущем, бремя вины и горе разрушают его. Саманта все время думает о своей утрате, но как отмечает автор, со временем она сможет пережить ее, что сделает ее сильнее. Даниэль, так же как и Майкл, считает, что вину можно частично искупить перед человеком, рассказав о совершенном поступке. Лишь только с помощью «облегчения души» можно обрести спокойную жизнь, уменьшив боль и страдание. И тогда можно перестать «видеть того, кого там не было», в этом, скорее всего, заключается смысл заглавия – отсылки к известному стихотворению Хьюза Мирнза о постоянно возвращающемся призраке, которого больше не хочется видеть:

*Yesterday, upon a chair,
I saw a man who wasn't there.
He wasn't there again today,
I wish, I wish he'd go away* [6, с. 1].

Список использованной литературы

1. Зуева, Е. А. Эмоции как объект лингвистических исследований / Е. А. Зуева // Иностранные языки в профессиональном образовании: лингвометодический контекст : материалы межвуз.

науч.-практ. конф., Белгород, 17–18 мая 2006 г. / Белгор. ун-т потреб. кооперации. – Белгород, 2006. – С. 148–154.

2. Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора В. И. Шаховского. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – 370 с.

3. Нашхоева, М. Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста / М. Р. Нашхоева // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 1 (218). – 95–98 с.

4. Немов, Р. С. Психологический словарь / Р. С. Немов. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.

5. Философская энциклопедия [Электронный ресурс. – Режим доступа: https://dic.academic.rudic.nsf/enc_philosophy/206/%D0%92%D0%98%D0%9D%D0%90. Дата доступа: 25.08.21.

6. Sheers, Owen. I Saw a Man. / Owen Sheers. – London. Faber & Faber Limited 2015. – 310 p.

УДК 811.111'373'38'42:616-036.21

О. Н. Чалова

(Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель)

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСКУРСА COVID-19

В настоящей статье представлены результаты исследования, посвященного выявлению лексико-стилистических средств, используемых в дискурсе коронавирусной тематики. Как выяснилось, к специфической лексике изучаемого типа общения относятся метафоры, фразеологизмы, специфические неологизмы, отрицательнооценочные слова и некоторые другие лексические единицы.

В рамках настоящей статьи под **дискурсом COVID-19** понимается любое общение (бытовое или официальное) коронавирусной тематики (например, диалог между членами семьи или друзьями о симптомах соответствующего заболевания, официальное сообщение директора школы о посещаемости учащихся на фоне коронавируса, объявление на двери магазина о необходимости использования защитных средств при осуществлении покупок и т. д.).